

УДК 82

**ТЕМА ВОЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

© 2016 г.

О.С. Сухих

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

ruslitxx@list.ru

Поступила в редакцию 29.08.2014

Рассматривается тема военного преступления и его последствий в отечественной литературе XX века. Основное внимание уделяется роману В. Астафьева «Прокляты и убиты» и повести Мустая Карима «Помилование». Анализируется ситуация, в которой обвинение героев в дезертирстве формально обосновано, но несправедливо по сути.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сюжетная ситуация, дезертирство, закон, гуманизм.

В русской литературе XX века тема Великой Отечественной войны стала одной из самых значительных, что неудивительно, если учесть масштаб события. Разные грани этой темы нашли своё отражение в практически безбрежном море «военной» литературы. В период самой войны преобладала поэтизация героики, патриотического подвига, затем тематический диапазон значительно расширился, стали появляться произведения, где на первом плане конфликт не военный, а нравственный. Одним из первых такой вопрос затронул В. Некрасов в повести «В окопах Сталинграда» (1946), где сталкиваются разные взгляды на проблему: что важнее – быстрее отрапортовать о выполнении задания или сохранить жизни солдат? Не обошла литература и проблему военного преступления, его нравственной оценки. Об этом, например, повесть Э. Казакевича «Двое в степи» (1948), главный герой которой не сумел доставить в часть приказ об отступлении, чем поставил под угрозу множество жизней. В этой повести в 40-е годы увидели реабилитацию труса, но для автора главным был вопрос не об оправдании преступника, а об искуплении вины [1]. Андрей Гуськов в повести В. Распутина «Живи и помни» (1974) и Исмаил в повести Ч. Айтматова «Лицом к лицу» (1957) не выдерживают страшного напряжения войны и становятся дезертирами. Как писал Ч. Айтматов в предисловии к повести «Лицом к лицу», здесь на первый план выдвигается «конфликт отдельной личности, отдельного человека с общепринятым пониманием долга – в частности воинского долга» [2]. Во всех этих случаях преступление героя несомненно. Однако, на наш взгляд, не менее напряженные коллизии разворачиваются в произведениях, где обстоятельства иные: обвинение в адрес героя формально обосновано, но с обще-

человеческой точки зрения он не преступник, однако законы военного времени беспощадны к нему. Подобная тема раскрывается, в частности, в романе В. Астафьева «Прокляты и убиты» (1990–1994), в повести Мустая Карима «Помилование» (1982–1985), в стихотворении В. Высоцкого «Тот, который не стрелял» (1972).

В романе В. Астафьева один из сюжетных центров – это эпизод расстрела братьев Снегирёвых. Два солдата запасного полка ушли из казармы в деревню, к матери. Бежать и скрываться они не собирались, вернулись через три дня. Однако по закону военного времени это считалось дезертирством, поэтому их осудили и приговорили к расстрелу. В повести Мустая Карима сержант Любомир Зух уехал на бронетранспортёре из расположения части, чтобы увидеться с любимой девушкой. Он тоже не собирался дезертировать и вернулся через несколько часов, рассчитывая, что об отлучке никто не узнает. Но произошла фатальная случайность: бронетранспортёр на повороте задел маленький сарайчик, а под его обломками погибла коза, которая давала пропитание целой семье – старику и его маленьким внукам. Возмущённый дедушка пошёл жаловаться командиру части, надеясь, что ему возместят ущерб, – именно из-за этого и раскрутился «маховик» следственного дела, в результате чего Любомир Зух, как и братья Снегирёвы, был расстрелян за дезертирство. Как видим, ситуации в этих произведениях сходны. Однако есть различия в понимании их сути и в авторской позиции по отношению к участникам событий.

Как воспринимают происходящее сами «преступники»? С одной стороны, и в том, и в другом случае они не осознают сути и последствий своих действий. И Снегирёвы, и Любомир Зух, в принципе, знают, что нарушают не-

кие установленные правила, но не представляют масштабов этого нарушения. Герои В. Астафьева говорят: «А чё такого? Мы ж пришли...» [3, кн. 1, № 12, с. 188]. Герой Мустая Карима: «А что я такого сделал, чтобы каяться? <...> Кто сбежит – дезертир, а я поехал и вернулся» [4, с. 44, 53]. По этой причине героям и В. Астафьева, и Мустая Карима кажется, что ничего серьёзного их не ожидает, и когда речь идёт о расстреле, они просто не верят в это: «Оне холостыми, как в кине... поугаают...» – успокаивает один из братьев Снегирёвых другого [3, кн. 1, № 12, с. 195], а в повести «Помилование» сержант Зух уверенно говорит о приговоре: «Я ведь сразу понял: это они придумали, чтобы таких, как я, безголовых, образумить... Понял теперь военную хитрость, лейтенант?» [4, с. 66]. Даже когда его уже ставят на край могилы, ему всё ещё кажется это нереальным. Оба писателя показывают, как люди на войне продолжают мыслить категориями мирного времени, когда в их поступках действительно не было бы ничего настоящего преступного. Попав в иные условия, они ещё не могут психологически перестроиться – отсюда и поразительная наивность, ведь люди вокруг них – особенно чётко это показано в «Помиловании» – ясно видят весь трагизм ситуации, глядя на неё извне, а сами осуждённые как будто живут в другом измерении.

С другой же стороны, есть различие в концепциях писателей. Герои Астафьева так до конца и не осознают собственной вины, потому что продолжают смотреть на случившееся лишь с собственной точки зрения, тогда как в произведении Мустая Карима Любомир Зух оказывается способным подняться над своими чувствами и интересами и посмотреть на произошедшее с точки зрения других, увидеть себя со стороны. После суда он всё же понимает, что на нём лежит серьёзная вина (хотя ему ещё кажется, что расстрелять его не могут): «Только слушая приговор, Любомир начал немного понимать, что проступок, совершённый им, кажется, и впрямь нешуточный. На месте обвиняемого он увидел не себя, а кого-то другого. И на мгновение понял ошибку того. “А если бы ночью подняли по тревоге? Бросили в бой?.. А тот... так бы в объятиях жены и остался?” – прошли отрывочные мысли, сердце вдруг заколотилось, рванулось наружу. Конечно, если не брать в расчёт любовь, – поразительное головотяпство. А кому какое дело до твоей любви?» [4, с. 54].

Как воспринимается случившееся другими участниками событий? В романе «Прокляты и убиты» в шемящих, трагических тонах описано состояние солдат всего батальона, напряжённо

ждуших решения судьбы Снегирёвых: «...все... не отрываясь смотрели на осуждённых, готовые в любое мгновение помочь им, дать рукавицы, шапку, закурить ли, но никто не делал и не мог сделать к ним ни малейшего шажка, и от этого было совсем неловко, совсем страшно» [3, кн. 1, № 12, с. 193]. Все с острым сочувствием относятся к осуждённым, испытывают безотчётную надежду на гуманность людей и закона и с ненавистью смотрят на карательную команду. После расстрела на всех наваливается тяжёлое чувство вины, хотя вроде бы нет для этого причины. Эти переживания автор передаёт крайне эмоционально и впечатляюще. Точно так же у Мустая Карима старшина и однополчане пытаются защитить Любомира, к которому все относится с большой симпатией.

Однако стоит отметить и другой аспект изображаемой ситуации: в астафьевском романе никому не приходит в голову то, что пришло в голову Любомиру Зуху, признавшему собственный поступок не только ошибкой, но и «поразительным головотяпством», ведь солдату, хоть мало-мальски знакомому с уставом, должно быть понятно, что означает самовольный уход из расположения части в военное время: «...если человек в прифронтовой полосе посреди ночи самовольно на военной технике покинул часть действующей армии и отправился в тыл – он уже сам себе вынес тяжкий приговор» [4, с. 46]. В повести Мустая Карима безусловное сочувствие к «дезертиру» не исключает тем не менее объективного взгляда на ситуацию. Это придаёт проблематике диалектическую сложность и многомерность, ведь речь идёт о живом и остром противоречии между рациональным и эмоциональным, тогда как в произведении В. Астафьева эмоции явно преобладают.

Сочувствие солдат к братьям, попавшим в трагическую ситуацию, вполне естественно с чисто человеческой точки зрения. Однако не меньшее значение для понимания авторской концепции в обоих рассматриваемых нами произведениях имеет отношение к «дезертирам» со стороны тех, кто в той или иной степени причастен к решению их судьбы.

Говоря о романе В. Астафьева, стоит обратить внимание на то, что первым выражает горькое сожаление о произошедшем уполномоченный Особого отдела Скорик, который буквально в ужасе от того, что братья Снегирёвы фактически перечеркнули собственные жизни: «”О Господи – схватился за голову Скорик...”...Скорик глядел в окно, соображая, как защитить братьев... Может, чудо какое случится? И понимал Скорик, что бред это, бессмысленность» [3, кн. 1, № 12, с. 189]. По-детски

наивная надежда на чудо и, с другой стороны, понимание бессмысленности такой надежды – здесь вся гамма эмоций человека, который хотел бы что-то сделать для «преступников», но не может. Надо сказать, что подобный образ особиста нетрадиционен для отечественной военной прозы, людей этой службы чаще изображают лишёнными сострадания. Впрочем, в астафьевском романе Скорика в дальнейшем отправляют на фронт, а на его место должны прислать более «профессионального» сотрудника. К тому же от Скорика ничего не зависит, он лишь должен доложить руководству о ЧП.

Отдельными штрихами намечен в романе «Прокляты и убиты» образ майора, который зачитывает приговор, – по всей вероятности, представителя военной прокуратуры. Он совершенно равнодушно, механически, «сохлым от мороза голосом» произносит страшные слова. Эмоции его никак не изображаются, и приём умолчания уже свидетельствует о том, что автор представляет майора как человека лишённого способности сочувствовать. Кто выносил безжалостный приговор, в романе не упомянуто, однако отмечено, что Снегирёвых не просто приговорили к расстрелу, но и распорядились сделать из этого показательное мероприятие, – так создан коллективный образ безликих «деятелей», которые, решая чужие судьбы, не только равнодушны, но и склонны к иезуитству. Здесь есть явная параллель другому, более раннему эпизоду романа – сцене суда над солдатом Зеленцовым, ударившим офицера. Председатель трибунала Анисим Анисимович, который «столько уже пересудил и пересадило всякого народу, столько его на тот свет отправил...» [3, кн. 1, № 11, с. 223], назван даже не человеком, а «существом в звании полковника», в лице его – «презрительное превосходство над всем остальным людом» [3, кн. 1, № 11, с. 221]. Именно он ведёт суд «не божий, а правый, советский, по которому выходит, что все людишки, наполняющие эту страну, всегда во всём виноваты и подсудны» [3, кн. 1, № 11, с. 222]. В связи с образом этого персонажа автор приводит сентенцию, в которой справедливое и естественное негодование переходит в такую безоглядную ненависть ко всему советскому, что даже граничит с абсурдом: «...советское общество настолько сбилось с ориентира и с тропы, где назначено ходить существу с человеческим обликом, сокращая путь, свернуло туда, где паслась скотина. За короткое время в селекции были достигнуты невиданные результаты, узнаваемо обозначился облик советского учителя, советского врача, советского партийного работника, но наибольшего успеха передовое общество

добилось в выведении породы, пасущейся на ниве советского правосудия. Здесь чем более человек был скотиноподобен, чем более безмозгл, угрюм, беспощаден характером, тем он больше годился для справедливого карательного дела» [3, кн. 1, № 11, с. 221]. Это одно из тех мест романа, в которых можно отметить «запальчивую публицистичность» [5, с. 20]. Поскольку автор приравнивает к скотине советского врача, учителя, создаётся впечатление, что его самого учили в школе и лечили в больницах исключительно «скоты» (по контрасту вспоминается рассказ того же В. Астафьева об одном из советских учителей «Фотография, на которой меня нет»). Настолько велика и в образной системе романа, и в авторских комментариях ненависть ко всему советскому, хотя нужно ли напоминать, что воевали и выиграли войну советские люди...

Отчётливо и однозначно негативно обрисован в романе лейтенант, руководящий расстрелом. Он абсолютно равнодушен к осуждённым, к их застывшим от ужаса однополчанам и даже выполняет свою работу с удивительной лёгкостью. «По-ухарски» спрыгивает с подводы, «привычно, умело начинает распоряжаться», «тренированно избегая взглядов командиров и сбитого в подобие строя батальона» [3, кн. 1, № 12, с. 193]. Однополчане Снегирёвых смотрят на него с откровенной ненавистью, когда он пренебрежительно сталкивает в могилу ботинок, слетевший с ноги одного из братьев.

В целом судьбу Снегирёвых решают «нелюди», «чужаки», которые «в тылу творят зло по отношению к бесправному солдату, а на фронте прячутся за его спину» [6, с. 129].

В повести «Помилование» расстрелом Любомира Зуха тоже командует лейтенант – командир взвода разведки Янтимер Байназаров. Его образ развёрнут подробно, в отличие от образа эпизодического, безымянного и безликого персонажа В. Астафьева. Янтимер – один из главных героев повести Мустая Карима, и одна из главных тем – его душевная драма. Он только что окончил военное училище, прибыл в часть, и первое его задание на войне – командовать расстрелом. Это становится причиной серьёзных моральных страданий для лейтенанта. «В худшую из бед попал Янтимер – в самую нелепую» – так думает его друг Лёня Ласточкин. Действительно, Байназаров мучается даже гораздо сильнее, чем Любомир Зух, который не верит в возможность расстрела. Янтимер с болью ощущает ход времени, приближение ужасной минуты, он не может спать, не находит себе места и наконец решается попросить комиссара Зубкова, чтобы страшное поручение дали кому-

либо другому; исчерпав возможные аргументы в этом разговоре он прибегает к последнему, на первый взгляд совершенно неподходящему для данной ситуации: «Мне ведь, товарищ комиссар, когда вернусь, артистом надо стать. А меня потом всю жизнь совесть будет мучить» [4, с. 62]. По сути же этот аргумент самый важный, соответствующий убеждениям автора: «Религией Мустая Карима, по его же признанию, была СОВЕСТЬ. Он чутко прислушивался к ее голосу, она была для него судьей и высшим законом. Это крайне важный, основополагающий принцип его жизненной философии» [7]. Таково и внутреннее убеждение его героя. Комиссар же объясняет ему объективный характер ситуации: есть обстоятельства, которые невозможно обойти или изменить. Однако наедине с собой Зубков искренне жалеет молодого лейтенанта, которому предстоит «грязное и кровавое» дело. По сути, отношение комиссара к Янтимеру Байназарову таково же, как и к Любомиру Зуху: оба приговорены, обречены на страдания, обоим жаль до боли и обоим нельзя помочь: «Воинский приказ без причины не меняют» [4, с. 63]. В воспоминаниях Мустая Карима упоминается, что в его военной биографии был такой случай: ему было приказано командовать расстрелом «дезертира», но, видя его мучения, комиссар (прототип Зубкова) нашёл возможность перепоручить это кому-то другому [8].

В отличие от совсем молодого и неопытного Янтимера Байназарова, военный прокурор и его помощник – следователь – постоянно сталкиваются с трагическими ситуациями по самому характеру своей службы. У В. Астафьева подобные люди показаны как бесчувственные и подлые, как «скоты». У Мустая Карима они изображены как люди, пусть и огрубевшие на войне, подавившие свои эмоции, но – люди. Их душевное состояние не описано подробно, но прочитывается в художественных деталях. Прокурор, который привык вести себя бесстрастно, вдруг не может сказать правду невесте «преступника», не решается, жалея девушку. Человек неэмоциональный и сдержанный, привыкший сохранять спокойствие в любой ситуации, он привычно, почти механически повторяет, что дезертирство – это преступление, однако наедине с собой начинает рассуждать, философствовать, что ему совершенно несвойственно: «И сам вижу – хороший парень. А хороший за свои поступки не должен отвечать, так что ли? Для каждого, и для хорошего, и для плохого Закон один» [4, с. 53]. Прокурор «чувствами не руководствуется вообще. И всё же то, что Зух не был плохим человеком, вызывало какую-то неловкость... Майор старался смотреть на аре-

стованного как можно реже» [4, с. 53]. Помощник прокурора – человек более эмоциональный. Видя Марию-Терезу, к которой уехал из части Любомир Зух, следователь думает: «За такую и головы лишиться не жалко. Не жалея, Любомир Зух, ни о чём не жалея...» [4, с. 53]. Глядя на допросе на «дезертира», он испытывает одновременно и сочувствие, и восхищение романтической любовью, о которой ему нравилось читать в книгах. И всё же свои обязанности следователь старается исполнять чётко, правда, при допросе арестованного он «не находя дела рукам, возился с планшетом – откроет-закроет, откроет-закроет» – деталь, говорящая о душевном дискомфорте [4, с. 53].

Даже похоронная команда, состоящая из солдат-инвалидов, прощается с погибшим добрыми словами: «Ладно, кто бы ни был – всё божья душа, и могила христианская... Пусть земля будет пухом» [4, с. 77].

Судьба Любомира Зуха фактически не зависела ни от прокурора, над которым «Закон, Статья, Параграф военного времени», ни от следователя, ни от лейтенанта Байназарова: все они лишь выполняют долг, хотя и вопреки чувствам; иначе поступить не имеют возможности. Зато от двух других героев судьба этого человека зависела напрямую: от старичка Бурёнкина и командира батальона Казарина – их действия привели к трагическим последствиям. При этом ни тот, ни другой не нарушили закона, не преступили и моральных норм, но оба страдают от тяжёлейшего чувства вины.

Ефимий Лукич Бурёнкин в надежде получить компенсацию за погибшую козу и разрушенный сарайчик идёт к командиру батальона – в результате история с ночной поездкой Любомира Зуха становится известной начальству. Только позже старик начинает понимать, чем оборачивается его поступок, и он умоляет капитана Казарина остановить дело: «Милосердие нужно! Прощение!... Вы же меня виновником смерти делаете». На этот разговор он пришёл вместе с маленькими внучатами и умоляет даже их именем, стоя на коленях: «Ради вот этих безвинных душ! Не клади нас в огонь» [4, с. 53]. Но уже ничего нельзя сделать, и старик уходит со слезами, а за ним – дети, поражённые происходящим, позабывшие даже голод и усталость. Образ плачущего старика и несчастных детей, безусловно, усиливает щемяще-трагическую ноту в повествовании.

Командир батальона капитан Казарин, узнав от Бурёнкина о поездке Любомира Зуха, понимает, что можно постараться скрыть этот случай, но для него это значит нарушить закон и пойти против офицерской чести – он решает

поступить так, как обязан. Лишь потом герой понимает, что, решив вопрос в пользу закона, пошёл против совести: «...и по уставу, и по долгу службы комбат Казарин был прав. Но сегодня устав и долг отступили назад, возмутилась и забастовала совесть» [4, с. 50]. Он уже просит прокурора остановить «маховик», готов взять ответственность на себя, быть разжалованным, отправиться в штрафбат... Не случайно Ефимий Лукич, придя во второй раз – умолять о милосердии, замечает, что перед ним уже другой, изменившийся человек, а комиссар Зубков, знающий Казарина как службиста, живущего «от команды до команды», с удивлением видит его переживания, его наивную надежду на чудо.

Комиссар бригады Зубков – представитель партработников, о которых в романе В. Астафьева сказано, что они подобны скотам и созданы лишь прятаться за спинами простых людей и призывать их к трудовым подвигам. В повести Мустая Карима комиссар (напомним, что у этого героя есть реальный прототип) является единственным человеком, который не только жалеет приговорённого, но и пытается сделать что-то реальное: он берёт на себя ответственность и отправляет «наверх» шифровку с просьбой о помиловании. Хотя и небольшая, но надежда у него есть, и в течение 12 часов он ждёт ответа, ждёт до последнего: «Тридцать минут кряду комиссар Арсений Данилович Зубков словно бы своими руками держал безжалостную стрелку, не пуская вперёд. На большее силы не хватило...» [4, с. 73].

Помилование пришло с опозданием на 50 минут...

Близко по проблематике к повести «Помилование» стихотворение В.С. Высоцкого «Тот, который не стрелял». Повесть написана с точки зрения человека, который чуть не оказался в роли расстреливающего (в реальности автору удалось этого избежать, в отличие от героя), а стихотворение – от имени того, кого расстреливают. Ситуация складывается по своей сути так же, как в «Помиловании», и в романе «Прокляты и убиты»: обвинение формально мотивировано, но ложно по существу. Как и в повести Мустая Карима, командир пытается спасти героя, это даже почти удаётся, но в первом случае вмешиваются обстоятельства, а во втором – люди («Мой командир меня почти что спас, / Но кто-то на расстреле настоял...»), и человек, который не сделал зла и который, кроме того, очень симпатичен окружающим, оказывается обречённым на гибель. Практически все персонажи повести «Помилование» переживают из-за происходящего моральный дискомфорт: от чувства неудобства до острейших страданий. И

любой из них многое отдал бы, чтобы иметь возможность если не спасти человека, то хотя бы не участвовать в «грязном, кровавом» деле, но никому это не удаётся: обстоятельства довлеют над личностью, человек не может ничего изменить. В стихотворении В.С. Высоцкого, наоборот, акцент сделан не на обстоятельствах, а на личном решении человека, которое меняет всё:

Никто поделаться ничего не смог...

Нет, смог один, который не стрелял [9, с. 219].

Это произведение – апология личной порядочности. Другой вопрос – насколько реален подобный исход событий. Поэт принадлежал к другому поколению, чем Мустай Карим и В. Астафьев, и не имел собственного военного опыта. Правда, в примечании к стихотворению он писал, что со слов одного из фронтовиков знал случай, хоть и не в точности такой, но похожий [10].

Несмотря то что герой Высоцкого спасён, трагизма в его произведении не меньше, чем у Мустая Карима или В. Астафьева, потому что война хотя и допускает невероятное («Но... слышу: “Жив, зараза! / Тащите в медсанбат – / Расстреливать два раза / Уставы не велят!”»), но всё же не даёт надежды на счастливый исход. Когда, казалось бы, опасность миновала и герой выжил, происходит трагедия, которая для него равносильна гибели:

Немецкий снайпер дострелил меня, –

Убив того, который не стрелял [9, с. 220].

В «Помиловании» же погибает Янтимер Байназаров – последний, с кем говорил накануне расстрела Любомир Зух и кому сказал «спасибо» за равнодушие; человек, в душе не смирившийся с жестоким долгом и так желавший остаться «тем, который не стрелял».

***

И у В. Астафьева, и у Мустая Карима герои, столкнувшиеся с трагическим противоречием между законом и гуманизмом, какое-то время сохраняют в душе хрупкую веру в чудо. Если в романе «Прокляты и убиты» изначально ясно, что надежда беспочвенна (это потом и подтверждается), то в «Помиловании» ситуация иная: возможность чуда была, но осталась нереализованной. Любомир Зух мог не задеть сарайчик, и никто не узнал бы о «дезертирстве», капитан Казарин мог скрыть ЧП, помилование могло прийти вовремя. Автор, выстраивая сюжетную линию, безжалостно отвергает эти возможности. Почему?

Когда Любомир Зух, собираясь ехать к своей любимой Марии-Терезе, думает: «И узнают, так велик ли грех? Простят... Война, говорят, всё спишет», то автор отвечает на это грустным лирическим размышлением: «Эх, Любомир,

детская душа! Война никому – ни своему, ни врагу – никогда не прощает» [4, с. 31]. В этой мысли – мотивировка всего сюжета и концептуальное отличие «Помилования» от романа В. Астафьева. В обоих произведениях происходят чудовищные трагедии. Но в повести Мустая Карима причина этого кроется в жестокости войны, которая ставит людей в страшные условия и трансформирует как этические, так и юридические нормы, а в произведении В. Астафьева причина – в действиях тех, кого автор называет «скотоподобными» «новыми людьми», а его герой Васконян – «новой, подлой аристократией, под названием советская» [3, кн. 1, № 12, с. 225], т.е. в действиях людей, олицетворяющих собой государство.

В повести Мустая Карима в момент расстрела Любомира Зуха лейтенант Байназаров должен сказать: «Именем Родины...», но не может это произнести. Во-первых, потому, что не считает себя вправе говорить от имени всей Родины. А во-вторых, потому, что сомневается: «Почему же именем Родины? А сама Родина, она согласна с этим?» [4, с. 75]. Согласно же концепции В. Астафьева, губит людей именно Родина – советское государство, которое враждебно личности, христианству, традиционным народным ценностям («хлебное поле» становится в романе их символом): «Революция и революционеры зажгли русскую землю со всех сторон...» [3, кн. 1, № 12, с. 205]. Саму войну автор и его герои понимают как некую кару свыше за то, что народ отвратили от этих ценностей. Поэтому, в понимании В. Астафьева, война кончится лишь тогда, когда «поле воскреснет» [3, кн. 1, № 12, с. 206]. Таким образом, по В. Астафьеву, ответственность за войну несёт не гитлеровская Германия, напавшая на Советский Союз, а «революционеры», советское государство, которое пошло против Бога. Соответственно представители власти изображены в романе как нелюди, «существа в звании таком-то», враждебные солдатам, гонящие их на гибель за безбожное государство, убивающие безвинных. Поэтому лейтенанта, командующего расстрелом, называют мерзавцем, а расстрельную команду сравнивают с мясниками и именуют убийцами, относятся к этим «существам» с нескрываемой ненавистью и презрением. Конфликт в романе «Прокляты и убиты», скорее, не военный, а социальный – человек и государство (его представители).

В повести «Помилование» конфликт иного характера – личность и обстоятельства, а именно война, враждебная любви, гуманизму. Человек же внутренне сопротивляется этому – согласно концепции Мустая Карима люди оста-

ются людьми даже в чудовищных условиях. Поэтому те, кто хоть какое-то отношение имеет к решению судьбы сержанта Зуха, пытаются ему помочь, сожалеют о происходящем, страдают, испытывают чувство вины. Абсурдно предположить, что кто-либо назовёт измученного тяжелейшим испытанием Янтимера Байназарова мясником, мерзавцем и убийцей. Отношение автора к нему и остальным участникам событий – истинно человеческое: «Люди эти достойны, чтобы о них говорили и помнили их» [4, с. 80], а саму повесть «Помилование» писатель представляет как дань их памяти. Это своеобразное помилование, прощение – как тем, кто совершил роковые ошибки и искупил их страданием, так и тем, кто попал во власть жестоких обстоятельств и тоже страдал. Судьбу Любомира Зуха решают не «существа» без чувств и морали, а хорошие и порядочные в большинстве своём люди. Но они не могут спасти человека и вынуждены его погубить – это делает проблематику повести диалектически сложной, а трагическое начало – даже более художественно глубоким, чем в романе В. Астафьева. Ведь в характерах героев «Помилования» воплощено живое трагическое противоречие между чувством и долгом.

В чём причина настолько различного понимания войны и конкретной военной ситуации двумя писателями, каждый из которых в этой войне участвовал и основывается на собственном опыте? При поверхностном взгляде на проблему приходит в голову простой ответ: дело во времени написания произведений. У В. Астафьева – 90-е гг., период, когда не стало политической цензуры, а война перестала быть священной в общественном сознании, тогда как повесть Мустая Карима создавалась в первой половине 80-х гг., во времена ещё подцензурной советской литературы. Однако такое понимание было бы крайне упрощенным. Не будем забывать, что ситуации в произведениях обоих писателей сходны, реалии практически одни и те же, а значит, ничто не мешало писать о них и в советский период. Было бы искажением фактов сказать, что В. Астафьев выразил единственную настоящую правду о войне, как писала критика 90-х гг. (эта точка зрения подразумевает, что многие другие авторы военной прозы, в частности, например, Мустай Карим, сказали неправду, а это был бы явно политически ангажированный и неправомерный подход). Просто правда бывает разная, и любой писатель отбирает материал и строит сюжет согласно своему пониманию её.

Хотелось бы привести еще один аргумент в пользу того, что понимание правды о войне и

характера основного конфликта военного времени зависит не от уровня свободы слова не от наличия цензуры. Почти одновременно с романом В. Астафьева «Прокляты и убиты» вышел в свет роман о войне, написанный в эмиграции, в условиях свободы слова и без какого-либо влияния советской идеологии – «Генерал и его армия» Г. Владимова. И вроде бы эти произведения многое объединяет: «негатива» достаточно и там, и здесь. Но, несмотря на это, концепция войны у Г. Владимова иная (о ней мы писали ранее [11]). Если в восприятии В. Астафьева война обостряет социальные противоречия, конфликт личности и государства, то в романе Г. Владимова «узник-патриот» генерал Кобрисов идёт защищать оскорбившее и унижившее его государство вместе со своим мучителем – работником НКВД Опрядкиным; солдат Шестериков – крестьянин, потерявший всё во время коллективизации, – чувствует полное единство с Кобрисовым, который ранее подавлял крестьянские восстания; царский генерал, которому предлагают пост бургомистра, отказывается сотрудничать с фашистами, объясняя это тем, что война сняла противоречия между «белыми» и «красными». Она объединила всех перед лицом внешнего врага, и только так можно было победить. Аналогично этой концептуальной идее можно увидеть в «Войне и мире» Л.Н. Толстого, где конфликт дворянина и крестьянина, выливающийся в богучаровский бунт, лишь играет на руку французам и убеждает «от противного» в необходимости единения. В романе Г. Владимова ненависть к опрядкиным в сознании героев и автора отступает перед ненавистью к фашистам – в романе В. Астафьева происходит наоборот.

Возвращаясь к теме военного преступления, отметим следующее. Сочувствие к человеку, обречённому на гибель, характерно для русской литературы вообще и для военной прозы в частности. Есть оно и в романе В. Астафьева, и в повести Мустая Карима. Но в последней мы видим со-

чувствие и к остальным участникам событий – в этом смысле она гораздо более соответствует принципам «божьего суда», чем произведение декларирующего религиозные ценности В. Астафьева. Символично выглядят названия произведений, отражающие позиции и мировоззрение авторов: «Прокляты и убиты» – «Помилование».

Список литературы

1. Сухих С.И. Два гуманизма (повесть Э. Казакевича «Двое в степи» и «История Григория М-за» в «Архипелаге ГУЛАГ» А. Солженицына) // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4 (1). С. 345–349.
2. Айтматов Ч.Т. Лицом к лицу [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bookz.ru/authors/aitmatov-4ingiz/aitm_face/1-aitm_face.html.
3. Астафьев В.П. Прокляты и убиты // Новый мир. 1992. Кн. 1. № 10–12. Новый мир. 1994. Кн. 2. № 10–12.
4. Карим М. Помилование / Пер. с башкир. И. Каримова // Дружба народов. 1986. № 8. С. 3–84.
5. Дедков И. Объявление вины и назначение казни // Дружба народов. 1993. № 10. С. 18–25.
6. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Учеб. пособие для студ. высш. уч. заведений: В 2 т. Т. 2. М.: Академия, 2003. 688 с.
7. Зиганшин К. Мудрец из Кляшева. Из памятного [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.voskres.ru/literature/critics/ziganshin.htm>.
8. Карим М. Мгновения жизни. Главы из книги / Пер. с башкир. И. Каримова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2003/11/karim.html>.
9. Высоцкий В.С. Тот, который не стрелял // Высоцкий В.С. Поэзия и проза. М., 1989. С. 219–220.
10. Высоцкий В.С. Примечание к тексту песни «Тот, который не стрелял». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vv.kulichki.com/pesni/ya-vam-mozgi-ne.html>.
11. Сухих О.С. Концептуальная основа системы идей и мотивов романа Г. Владимова «Генерал и его армия» // Грехневские чтения: Сб. науч. тр. Н. Новгород, 2008. Вып. 5. С. 142–151.

THE SUBJECT OF WAR CRIME IN THE LITERATURE ON THE GREAT PATRIOTIC WAR

O.S. Sukhikh

The author investigates the subject of war crime and its consequences in the literature on the Great Patriotic War. Particular attention is given to the novel «The Cursed and the Slain» by Viktor Astafyev and the short story «Pardon» by Mustay Karim. The article analyses the plotline, in which a charge of desertion has legal ground but is essentially unfair.

Keywords: Great Patriotic War, plotline, desertion, law, humanism.

References

1. Suhii S.I. Dva gumanizma (povest' Eh. Kazakevicha «Dvoe v stepi» i «Istoriya Grigoriya M-za» v «Arhipelage GULAG» A. Solzhenicyna) // Vestnik NNGU im. N.I. Lobachevskogo. 2013. № 4 (1). S. 345–349.
2. Ajtmatov Ch.T. Licom k licu [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://bookz.ru/authors/aitmatov-4ingiz/aitm_face/1-aitm_face.html.
3. Astafev V.P. Proklyaty i ubity // Novyj mir. 1992. Kn. 1. № 10–12. Novyj mir. 1994. Kn. 2. № 10–12.
4. Karim M. Pomilovanie / Per. s bashkir. I. Karimova // Druzhba narodov. 1986. № 8. S. 3–84.
5. Dedkov I. Ob'yavlenie viny i naznachenie kazni // Druzhba narodov. 1993. № 10. S. 18–25.
6. Lejderman N.L., Lipoveckij M.N. Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. uch. zavedenij: V 2 t. T. 2. M.: Akademiya, 2003. 688 s.
7. Ziganshin K. Mudrec iz Klyasheva. Iz pamyatnogo [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.voskres.ru/literature/critics/ziganshin.htm>.
8. Karim M. Mgnoveniya zhizni. Glavy iz knigi / Per. s bashkir. I. Karimova [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2003/11/karim.html>.
9. Vysockij V.S. Tot, kotoryj ne strelyal // Vysockij V.S. Poehziya i proza. M., 1989. S. 219–220.
10. Vysockij V.S. Primechanie k tekstu pesni «Tot, kotoryj ne strelyal». [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://vv.kulichki.com/pesni/ya-vam-mozgi-ne.html>.
11. Suhii O.S. Konceptual'naya osnova sistemy idej i motivov romana G. Vladimova «General i ego armiya» // Grekhnevskie chteniya: Sb. nauch. tr. N. Novgorod, 2008. Vyp. 5. S. 142–151.